

Скворцов перенес огонь по 19 танкам, движущимся справа. Он решил перехитрить немцев. Выпустив один бронебойный снаряд, он тотчас открыл беглый огонь осколочными. Подбив танк, снова повторил маневр огнем. Немцы думали, что против танков действует несколько пушек. Оставив на поле боя еще три загоревшихся машины, немецкие танкисты укрылись на окраине села. Их разведчики были встречены метким огнем механика-водителя Лузина.

Вскоре Скворцов заметил, что танки уходили из села. Последним шел четырнадцатый. «Значит два танка остались»,—решил он. Надо ждать нападения. Выстрелив в угол крайнего дома, из-за которого возможно появление оставшихся танков, Скворцов стал ждать. Спустя несколько минут показалась автомашина с немецкими солдатами. Сзади машины была прицеплена пушка. Метким пушечным выстрелом Скворцов уничтожил машину, а затем вместе с Лузиным из пулемета и автомата стали поливать свинцом разбегающихся фрицев. Появился танк. Скворцов выстрелил. Снаряд попал в машину и зажег ее.

— Остался один! — радостно воскликнул Скворцов.

Раздался выстрел. Это стреляла немецкая противотанковая пушка. Танкисты открыли по ней огонь. Пушка замолчала.

Последний вражеский танк выдвинулся из-за дома и, стреляя с хода, мчался прямо на Скворцова. Немцы думали, что пушка отвлечет внимание танкистов, но меткий выстрел Скворцова поджег и этот танк.

Много еще снарядов выпустили танкисты, уничтожая автомашины и пехоту немцев, пытавшихся прорваться к дороге.

Храбрый танковый экипаж, справившись с боевой задачей, был встречен генералом.

Генерал обнял героя, пожал руки его боевых друзей.

— Вы дрались, как истинные герои! Мой наблюдатель видел, как вы крошили немецкие танки! — сказал генерал, а затем шутливо спросил Скворцова:

— Восемь пацелкали?

— Точно, товарищ генерал, восемь!

Гвардии старшему лейтенанту Скворцову было присвоено звание Героя Советского Союза.

Не раз еще испытывали немцы удары танкистов Героя Советского Союза Скворцова.

Командир торпедных катеров

★

В. ДЕРЕВЕНСКИЙ

На Первомайской улице, почти упираясь в железнодорожную насыпь, стоит маленький дом старого курского машиниста Ивана Федоровича Кисова. Ветер доносит сюда запах перегоревшего угля и непрерывно раздаются гудки, свистки и пыхтение проходящих паровозов.

До войны, по вечерам, в открытые окна дома слышались мелодии скринок из железнодорожного сада и, выходя на крыльцо покурить, Иван Федорович любил слушать музыку.

Сын Ивана Федоровича, Анатолий, играл в оркестре, он радовал стариковское сердце: и музыкальными способностями обладает, и учится серьезно, и физически развит, и комсомолец-общественник.

Часто Иван Федорович вспоминает о своем сыне.

— Пошли мы однажды в Коренево, на Сейм, рыбу удить. Анатолий мой, как бросится между удочками в воду—и поплыл. Я ему кричу: «Что ты, непутевый, делаешь, рыбу испугаешь!» А он фыркает и в воде, хохочет и кричит: «Отдай концы папа, я к левому борту привартуюсь». Бредил он морем и всегда любил морские словечки: не волна, а шторм, не север, а норд, не лестница, а трап, не повар, а кок.

Суховатый на вид, он внушал сверстникам уважение своей рассудительностью, спокойной уверенностью в себе.

Так и жил один простой советский парень. Перед ним лежало много жизненных дорог, выбирай любую—учись, работай, играй на флейте, путешествуй. И Анатолий выбрал одну из самых трудных дорог—стать моряком. Окончив школу, он, по путевке комсомола, уехал в Ленинградскую военно-морскую школу им. Фрунзе.

Шли годы. Грянула жестокая война. И вот в одной из сводок Совинформбюро появилось краткое сообщение: